

Тачанка

Этот величественный памятник героического прошлого – буденновская тачанка, въехавшая на своих бронзовых колесах в 1977 году на гранитный пьедестал истории у въезда в Ростов-на-Дону с южной стороны, стала своего рода визитной карточкой нашей донской столицы. Сколько песен, былин, поэм, кинофильмов посвящено этому грозному оружию того времени

Поистине народной стала «Песня о тачанке».

Ты лети с дороги, птица,
Зверь с дороги уходи!
Видишь, облако клубится,
Кони мчатся впереди!..
И с налета, с поворота,
По цепи врагов густой
Застрочил из пулемета
Пулеметчик молодой.

ПРИПЕВ:

Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Конармейская тачанка –
Все четыре колеса!

Сюда приезжают возложить цветы молодожены. От этого священного места провожают и здесь же встречают ростовчане воинов Северо-Кавказского военного округа, которые выполняли и выполняют сейчас интернациональный долг и спецзадания в Афганистане, Чечне и других горячих точках не только России.

К сожалению, незаслуженно забыто имя творца легендарной пулеметной тачанки. Это подчеркнул в своей книге «Выросли мы в пламени» наш земляк, генерал-лейтенант, ныне уже покойный, Дмитрий Иванович Рябышев.

А создал это уникальное оружие и первым в составе разведгруппы применил его в бою под станицей Романовской 18 мая 1918 года, одержав блестящую победу над конницей противника, казак-пулеметчик из хутора Паршикова Цимлянского района Федор Иванович Нефедов, прах которого сегодня покоится на хуторском кладбище под скромным обелиском с красной звездой.

СТРОКИ ИЗ БИОГРАФИИ

Родился Федор Иванович Нефедов 12 ноября 1893 года. С детских лет став сиротой, воспитывался у дедушки. Рано познал тяжелый крестьянский труд.

В 1914 году, как только разразилась первая мировая война, был мобилизован на фронт. Затем донских казаков Временное правительство бросило на Петроград для подавления восставших. Но германский фронт и революция заставили многих из них, в том числе и Федора Нефедова, изменить свои политические взгляды. Так что возвращался он из Питера на Дон в начале 1918 года уже в составе красногвардейцев.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ДОНУ.

Эшелон с красногвардейцами, в котором было много казаков, перешедших на сторону красных, спешил в станицу Каменскую на защиту молодой Донской области. Она была образована 10 января 1918 года на съезде фронтовых казаков и поддержана самим Лениным. Военно-революционный казачий комитет возглавил тогда Федор Григорьевич Подтелков, а его секретарем стал Михаил Васильевич Кривошлыков. Прибывшие из Питера на Дон агитаторы-большевики вместе с революционно настроенными казаками призвали население станиц и хуторов свергать атаманов, избирать местные Советы, срывать мобилизацию казаков в белогвардейские части. В ответ на это генерал Каледин двинул против революционных казаков и отрядов Красной гвардии офицерские карательные отряды и подразделения юнкеров. На Дону началась гражданская война.

Словно кто-то проложил невидимым плугом страшные борозды раздора через донские станицы и хутора. Площади и майданы гудели от призывов и митингов. Крики, гомон, хриплый мат. Злые лица. Когда не хватало слов, начинали махать кулаками, хватать друг друга за грудки. И трещали рубахи и шинели, отлетали оторванные пуговицы. Брат шел на брата, сосед на соседа, сын на отца. Особенно много споров, доходивших до драки с кольями, порой и с применением оружия, было из-за декретов Советской власти о мире и земле. И если мир поддерживало большинство, поскольку многие казаки прошли через горнило войны, то декрет о земле немало казаков, особенно старшего возраста, отвергало начисто.

- Не дадим порушить казачьи вольности.
- Ни с кем не будем делить нашу землю-кормилицу.
- Освободим Дон от пришлых.
- Новая власть нам не указ,- слышались их возгласы на митингах.

В то же время беднота и революционно настроенные казаки поднимали обе руки за новую власть. На стороне красных твердо стоял и Федор Иванович Нефедов. Но его тревожило то, как на глазах рушились узы дружбы и товарищества среди казаков, как раскалывались семьи.

Разброд и шатания царили и в армии, и в красногвардейских отрядах. Белые переходили к красным, красные – к белым. В одних отрядах пели «Интернационал», в других – «Боже, царя храни».

Вот такое смутное и непонятное время пришло тогда на Дон.

Пулеметчик Нефедов еще в окопах первой мировой войны начал симпатизировать красным. Уверенность в правоте своего выбора он приобрел еще в Питере, где его буквально заворожили идеи нового строя о мире, братстве, дружбе, равенстве.

Из Каменска вместе с агитаторами-большевиками он был направлен в станицу Великокняжескую (ныне это город Пролетарск), а оттуда в Зимовники, где на совещании с членами местного революционного комитета и командирами разрозненных красновардейских отрядов был создан объединенный сводный отряд. Его командиром стал казак из станицы Романовской Пономарев, заместителем - уроженец хутора Колотовка Цимлянской волости Рябышев, а командиром конницы – Булаткин.

ДАН ПРИКАЗ НАСТУПАТЬ НА РОМАНОВСКУЮ

А вскоре новому отряду поступила команда перейти в наступление на станицу Романовскую, в которой сосредоточились крупные силы белых.

... Ранняя весна выдалась на Дону в восемнадцатом. Уже в мае солнце палило нещадно. Знойный воздух за Салом был замешен запахами акаций и розовой сирени, в которые врывается терпкий аромат полыни. И вот сонную тишину хутора Харитонова (ныне это хутор Семенкин Волгодонского района), который расположился на берегу реки Сал, вдруг нарушили всадники. Были они одеты в суконные и парусиновые гимнастерки и френчи, опоясанные ремнями. На головах казачьи фуражки без кокард. Лица у всех усталые, запыленные. Притомленными были и их лошади, поднимавшие копытами редкую уличную пыль.

Позади конных гудело тархтела железными колесными ободами телега, на которой под казачьей шинелью был спрятан пулемет «максим» и зеленые коробки с пулеметными лентами. На телеге горделиво восседал в казачьей фуражке набекрень пулеметчик Федор Нефедов. Спереди на сиденье ездового понукал лошадей молодой, сутуловатый, с рыжим чубом и длинными ногами, обутыми в тяжелые австрийские ботинки, казак из Серебряковки Афоня. Он торопливо дергал вожжи, покрикивая на лошадей, чтобы они шли быстрее и не отставали от конников.

А хутор словно вымер. На улице не было ни души, хотя по переписи в нем проживало 814 душ. Но притаившиеся жители сквозь щели заборов и ставен окон с тревожным любопытством следили за неожиданными гостями и молили бога, чтобы их пронесло.

Не пронесло. Передний всадник в офицерской бекеше, привстав на стремянах, скомандовал:

-- Разведка вперед!

Из отряда отделились шесть всадников и, развернув лошадей, наметом выскочили за околицу и вскоре скрылись в степи.

Миновав курень с голубыми резными наличниками на окнах, на хуторском майдане остановился весь отряд. Всадники начали охлопывать коней, снимать с них сбруи, заводят в просторный баз самого богатого хуторского дома. И как по команде, давась злостью, забрехали хуторские собаки, замычали коровы, закудахтали куры.

СТЫЧКА

Может быть, так и наблюдал бы исподтишка за всем происходящим хозяин подворья старый казак Перфильев, если бы незваные гости не начали травить сено с его скирда своим коням. Хозяйская жадность пересилила страх. Вылез он из соломенного укрытия, стряхнул с потрепанного казачьего мундира соломинки, пригладил жилистой рукой кошлатую бороду, поправил выцветшую фуражку с алым пятнышком на месте кокарды, пнул заластившегося было у ног чернолобого щенка и, опираясь на клюку, во весь голос рявкнул на конников:

-Кто дозволил чужое добро транжирить?

Лицо старика аж побагровело от ярости, а на его крик никто даже не оглянулся.

-Кто дозволил... - трясся от злобы и стучал клюкой о землю старик.

-Не шуми, дед, а то пупок надорвешь. А все равно не испугаешь.

За спиной Перфильева, словно из-под земли, выросла фигура командира отряда Пономарева. Из-под его бекеша пламенели красные кавалерийские чачкиры. Через плечи ремни, слева шашка с серебряной рукояткой, справа колодка маузера.

-Покормим коней и уйдем. А тебе, старик, расписку от имени Советской власти оставим. Что мол, взяли сена займы, обязуемся в перспективе отдать. Народной власти весь народ должен подсоблять. Вот так-то!

-Да вы отдадите,-взвизгнул старик, –скорее последние портки снимите. Белые придут – грабют, красные придут – грабют. Пообвешались оружием и норовят чужое сграбастать. Да когда ж уже такое кончится?

- Кончится, когда мы у всех богатых землю отберем и отдадим трудовому народу и всем, кто в ней нуждается. Теперь уразумел, дед?! – побагровел Пономарев. – А коль не понимаешь новой власти, то лучше уйди отсель по-хорошему.

И старый казак Перфильев, безнадежно махнув рукой, побрел прочь со своего база.

И ВСТАЛА ТЕЛЕГА, КАК ВКОПАНЯЯ

А в это время у скособочившейся возле дома Перфильева телеги с «максимом» чертыхался пулеметчик Нефедов. К нему и поспешил после спора со стариком командир отряда Пономарев.

-Что там у тебя стряслось, Нефедов?

-Ось передняя лопнула. А в местной кузне ни горна, ни наковальни, ни окон, ни дверей. Все растащила контра. Хоть волоком теперь пулемет тащи.

Присел Пономарев на корточки, посмотрел на поломанную ось и с досады швырнул обмоток под телегу. А потом, выпрямившись, сказал:

-Вот что, Нефедов, непопулярная эта мера, но придется у кого-то в хуторе телегу реквизиловать, иначе не взять нам Романовской.

ИСКАЛИ ТЕЛЕГУ – НАШЛИ ТАЧАНКУ

Нефедов с ездовым Афоней долго искали по хутору телегу. А нашли совсем рядом, у того же старика Перфильева, высококолесную, с точеными спицами тачанку-таврчанку на упругих рессорах, с черными лакированными закрылками. Выкрашена она была в зеленый цвет. Мягкие сидения обтянуты желтой блестящей кожей, обиты медными, ручной работы гвоздями. Подножки были кованы умелым кузнецом. Видать, готовили ее в далекую дорогу, так как возле нее стояло небольшое ведерко с густым березовым дегтем, а сама тачанка была наспех заслонена камышевыми матами.

И ТУТ ПРИШЛА ИДЕЯ

Разглядывая с восхищением тачанку, Нефедов невольно натолкнулся на интересную мысль, которая впоследствии сделала его знаменитым, а тачанку самым грозным оружием того времени.

Нефедов вспомнил, что в уставе царской армии пехоте и кавалерии предписывалось перевозить пулеметы только на телегах и вьюком.

-Царя-батюшку турнули, - подумал пулеметчик, - Керенский, возглавлявший Временное правительство, сбежал. Так что старый устав к едрене фене!. Чего таскать пулемет с земли на телегу, а с телеги на землю? Закрепить его на тачанке, а в нее запрячь тройку-четверку лошадей- и айда поливать свинцом пеших и конников. На миг зажмурился, ясно все представил и, поплевав на ладони, крикнул ездовому:

-Афоня, подсоби!

Дружно схватились за крашеное дышло. Покатили тачанку к поломанной телеге, перегрузили с нее пулемет. Повернул Нефедов на облучке пулемет влево. Потом вправо. Через пулеметную прорезь разглядел цели – и возрадовался как мальчишка.

К тачанке подошел командир отряда Пономарев. Но ему уже пришлось протискиваться к пулеметчику сквозь целую толпу любопытных бойцов, обступивших тачанку. Пономарев обласкал взглядом новшество, довольно хмыкнул и, сбив на бок фуражку, произнес:

-Ты что же пулемет на тачанку вспер? Так это ж на всем ходу и стрелять с него можно?! А ну-ка, Федор, давай твоему оружию экзамен устроим, - и громко скомандовал:

-Нефедов, к пулемету, Афоня, - на козлы. Живо! А-ну, братва, тяни ее за дышло. Ух ты, какая вертучая, холера ей в бок. А ну еще, а ну еще!

И бойцы с гиканьем катали тачанку по базу, а потом и по хуторской улице до самой околицы. Смахивая пот со лба, всегда скупой на похвалы Пономарев все время повторял:

Ай да молодец, Нефедов! Прямо завидки берут, что так смикитил казак! Да это ж оружие всем врагам на погибель!

Не успели отдышаться, как на баз с клюкой прибежал старик Перфильев.

- Это ж что за народная власть такая у нас объявилась? Чужое сено своим коням скормили, а теперь и на тачанку чужую позарились. Да вы знаете, какие я за нее деньжищи отвалил?!

-А-а, хозяин объявился. Ну раз твое добро, садись – будем гутарить, - миролюбиво пригласил к разговору старика Пономарев.

Но Перфильев никак не мог успокоиться. Топал ногами. Стучал клюкой о забор. С каждой минутой серея лицом.

- Не о чем нам с тобой гутарить. Не отдам свое добро-и баста! – кричал старик.

-Ладно, хозяин. Тогда мы сами будем цену править, - сказал Пономарев и достал из полевой сумки огрызок карандаша и потертый листок бумаги. На нем он размашистым почерком написал: «Тачанка казака Перфильева взята сводным отрядом красногвардейцев ввиду военной необходимости. После победы над гидрой контрреволюции Советская власть полностью возместит убыток. КОМАНДИР ОТРЯДА ПОНОМАРЕВ.»

Он протянул листок старику.

-Храни ее как документ. Не обессудь, что не заверил войсковой печатью. Нету ишо ее у нас. Но моя подпись – командира при Советской власти - будет действительна всегда.

-Не верю я вам и вашей власти. Ничуть вы не лучше тех, что раньше вас тут проходили. Не за народ вы. А такие ж, как и все - шкурники и кровососы.

-Ты договоришься, дед, – побелел лицом Пономарев. И тронул рукой колодку маузера. Старика как ветром сдуло с база. А уже за плетнем Перфильев зычным голосом кричал красногвардейцам, пряча расписку в шаровары:

- Будете уходить, хуч воротца на баз прикройте. Да не зароните огня от сигарки. Вон какая сухмень. Все подворье в дым превратиться, как и жизнь наша.

В РАЗВЕДКЕ

Слабо светилась в ночном небе тоненькая сережка молодого месяца. Зато много высыпало звезд. Они-то, хотя и не очень ярко, осветили хутор. Послышалась негромкая команда Пономарева:

-На коня! Нам известно, что белоказаки копят силы в Романовской, слухов много, данных нет, сколько их, где сконцентрировались. Задача нашей разведгруппы ответить на эти вопросы. Поведу вас со своим заместителем Рябышевым. За себя в отряде оставляю второго зама – Михея Антоновича Кузнецова. С нами пойдет пулеметная тачанка Нефедова. Она нас прикроет огнем в случае острой необходимости.

Тенями двигался навстречу разведчикам разъезд белых. И конного топота практически не было слышно, но опытный Рябышев все-таки разглядел в темной степи силуэты троих конников. Подал знак разведчикам. Поняв, что они обнаружены. Двое белых сразу крутнули своих коней, пытаясь уйти. Но не успели и навсегда легли в степные травы. Третий, усатый хорунжий, как потом выяснилось, из станицы Мигулинской, принял бой и умело отбивал удары шашек. Лихо крутил в кольце разведчиков рослого моштак. И лишь когда Рябышев выстрелил из нагана, хорунжий выпустил из раненой руки шашку, отлетевшую со звоном в темноту, и, матерно ругаясь, прекратил сопротивление.

Он – то и рассказал потом разведчикам о мощной силе белых в Романовской, где сконцентрировали силы более пяти сотен кавалеристов, много пехотинцев с пулеметами. А на Дону выгружаются новые баржи с подкреплением.

Хорунжий пришелся по душе разведчикам своей рассудительностью, смелостью, сноровкой, удачью. Но они не могли высказать свои мысли вслух, ожидая решения командира. Пономарев долго разглядывал с высоты седла неясное лицо пленного, а затем после недолгого раздумья сказал:

-Срывай свои погоны, хорунжий, переходи на сторону Советской власти, ведь она всем нам несет свободу от угнетателей.

С трудом подбирая слова и прижимая к груди окровавленную руку, хорунжий ответил:

- Не хочу сдыхать, как собака, но погоны с себя не сорву. Я их кровью заработал на германском фронте за захват вражеского полкового знамени. Так что не судите строго, братцы-казаки. А перед смертью Христом богом прошу, сверните мне сигарку. Третьи сутки курить хочу. Во рту все пересохло.

Тлела во вздрагивающих губах щедрая сигарка, высвечивая черные сникшие усы хорунжего. Притихла степь, прикрытая звездным пологом. Молчали разведчики, молчал пленный, и только Пономарев, сидя на тонконогом жеребце с белой звездочкой на лбу, нервно мям в сильных руках поводья, сопел, откашливался, думал. И вот, наконец, решение вызрело.

- Вот что, казак, именем Советской власти я прощаю все твои грехи и отпускаю на все четыре стороны. Возвртаем тебе и коня, и шашку. Поумнеешь, сам придешь к нам. А если опять перетянут тебя погоны на ту сторону, не миновать тебе собачьей смерти.

Отряд быстро скрылся в темноте. Оставив растерянного и оглушенного сказанным хорунжия.

Утро только началось, а золотисто-бурая степь уже дымилась маревом. Ветерок гнул ковыль, лаская прохладой лица конников, которые, продолжая разведку, зорко осматривали степь от края и до края. А позади их плавно катилась по росной траве тачанка с пулеметом, готовая в любую минуту вступить в бой. Уже вторые сутки красногвардейцы колесили по донским просторам.

В голову Федора лезли самые разные мысли. Ведь совсем неподалеку отсюда, за Доном, простирался его родной хутор Паршиков с вилюжиной балок и суходолов, красноглинистых яров и ковыльным простором, где сегодня некому было косить сено. Все казаки призывного возраста в три очереди в 14-м ушли на русско-германский фронт. А вот теперь яро сражались одни у красных, а другие у белых. И у Федора щемило сердце от вопроса, по кому ему придется стрелять, может быть, через минуту-другую. Ведь в Романовской у белых немало служило цимлян и его земляков из родного хутора Паршикова. Да, они выбрали ту сторону. А бойцы той стороны, проходя по Донскому краю, часто оставляли после себя ряды виселиц, курящиеся на ветру пепелища сожженных жилищ, трупы замученных людей. Под хутором Щегловым белые начисто порубили в степи всю цимлянскую дружину. А ведь в том отряде было немало его друзей и знакомых.

Тревожило и то, как поведет в первом бою новое оружие – пулеметная тачанка. Ведь если подведет, не миновать разведчикам жестокой расправы в таком глубоком тылу.

Вот оно какое времечко наступило. Даже на германском фронте с немцами порой легче было договориться о перемирии. Особенно когда не было офицеров. И махорочку вместе крутили, шнапс пили и мечтали вслух, как поскорее войну закончить. И хотя на разных языках говорили, а друг друга понимали. А вот здесь, дома, свои со своими вдруг стали в одночасье заклятыми врагами, готовыми в любую минуту вынуть друг у друга потроха. Вот и сейчас, бороздя родные просторы, где совсем недавно мирно паслись стада коров, звенели косы, каждый куст и пригорок теперь сулили расправой разведчикам. И можно было ни за что и ни про что погибнуть от пули или клинка своего кума, соседа, брата.

БОЙ ПОД РОМАНОВСКОЙ

Раздумья Федора вдруг прервали встревоженные голоса сразу несколько конников.

- Вот они уже нас окружают. Сейчас в рубку возьмут.

- Вот это врюхались!

- Без паники, ребята, приготовиться к бою!

Это уже была команда командира отряда Пономарева.

И Нефедов увидел, как из дальней красноглинистой прогалины скифских курганов показалась многочисленная конница белых, от которой практически невозможно было уйти... Приметил еще Федор и то, что перед атакой у всадников шашки были опущены книзу. Это жест настоящих рубак, которые на прогоне никого живым не выпускают.

Приблизившись к отряду, как по команде, белые конники вдруг вскинули шашки вверх. Запрыгали солнечные зайчики на обнаженных клинках. Глухо заохала земля, распятая под множеством конских копыт. На поле брани выходили в рубку почти триста белоказаков и сорок красногвардейских всадников с пулеметной тачанкой. Такого соотношения сил никогда еще не видела не только донская степь.

Бешенный гвалт и топот становились все сильнее и ближе. В прорезь пулеметного щитка Нефедов уже мог рассмотреть даже кокарды наступающих. Сердце учащенно забило в груди, суетливо гоня кровь.

- Ну, Афоня, и нам пора! Иначе порубят нас всех, как капусту. Гони в прогалину между сотнями, - прокричал Федор.

Кони с места в карьер понесли тачанку на огромную ревущую и озверевшую лавину людей и лошадей. Засвистел ветер в ушах, застучали колеса по степи. Ездовой Афоня не снимал с конских спин кнута. От быстрой езды на колесах спицы сливались. Когда в прорезь пулеметного щитка Федор увидел совсем рядом скачущих белоказаков, приказал Афоне развернуть тачанку для удобства стрельбы и остервенело нажал на гашетку. И поползла из приемника пахнущая порохом зеленая лента, со звоном посыпались пустые гильзы.

... Та-та-та... - застрочил «максим». Тягучий свист пуль забороздил стеклянную хмарь неба. Огненные струи пулемета выбивали из седел наездников, косили лошадей, которые

на всем скаку падали и ломали шеи. Грохот, крики, стон наполнили степь. И вот белая конница, рванувшая было на отряд стройной лавой и уверенная в легкой победе, стала рассыпаться, дробиться и ломаться. А тачанка все неслась по степи, поливая белую конницу смертельным огнем. Распаленные безумием, творившимся вокруг, белогвардейцы с диким ужасом в глазах смотрели на скачущую смерть. Испуганные животные натыкались друг на друга. Одна из лошадей почти рядом с тачанкой протащила убитого. В нем Федор узнал знакомого паршиковского казака. Его нога застряла в стремях.

-Мы отходим, Федя! Прикрой нас!- услышал пулеметчик приказ командира отряда Пономарева.

И организованно отступавшие красногвардейцы еще долго слышали пулеметные очереди «максима». А если они на минуту-другую утихали, с беспокойством оглядывались назад.

Но в этом бою пулеметная тачанка была непобедима, уничтожив и в панике рассеяв по степи почти три сотни конников.

Как настоящих героев встречали красногвардейцы сводного отряда пулеметчика Федора Нефедова и его ездового Афоню, салютуя им вскинутыми вверх, поблескивающими на майском солнце, клинками.

Обняв по-отечески пулеметчика, а затем ездового, командир Пономарев выразил от имени Советской власти обоим революционную благодарность и пообещал по инстанциям доложить обо всем самому высокому начальству.

Но в то тревожное время не нашлось у Пономарева времени и возможности для докладов и торжественных наград. Весь Дон тогда охватил огненный вихрь гражданской войны. Уже на другой день красногвардейские отряды перешли в наступление и с ходу взяли хутора Грачев, Потапов, а затем и станицу Романовскую, где была мощная база белых. И во всех этих боях активно участвовала пулеметная тачанка кавалера Георгиевского креста за германский фронт и Боевого Красного знамени за организацию тачанки Федора Ивановича Нефедова.

С того далекого тревожного времени и пошла гулять слава по земле о новом грозном оружии. Кстати, идею нашего земляка впоследствии одобрил сам Семен Михайлович Буденный. И командовать первым эскадронам пулеметных тачанок 1-го Донно-Ставропольского кавалерийского полка было доверено казаку-большевику из хутора Паршикова Федору Нефедову.

С пулеметной тачанкой Федор Иванович прошел огромный путь по дорогам гражданской войны. Воевал в степях Дона, под Царицыным, на Северном Кавказе, Украине, Польше и других местах.

И сколько раз выручала тачанка его и боевых друзей, врываясь в самое пекло и гущу разъяренных врагов. Развернув свой «максим» в нужном направлении, струями свинца пулеметчик останавливал целые лавины конников неприятеля. Опрокидывая их навзничь и обращая в бегство.

И в годы Великой Отечественной войны тачанки нашего земляка тоже сыграли свою важную роль в разгроме гитлеровцев.

Вот что писал в своем дневнике фашистский генерал Гальдер: «...пулеметные тачанки - неуловимый род войск русских. Они маневренны и применить против них всю мощь немецкой техники невозможно. Ни один командир не может быть спокоен за свой тыл...»

С первых же дней войны в стране стала формироваться казачья дивизия. Потом она была реорганизована в Пятый Донской казачий кавалерийский корпус. Донские казаки дошли до Берлина и повесили на стене гитлеровского логова плетку в назидание потомкам вероломных захватчиков.

Конечно, нелегко давались лихие атаки кавалеристам, но казаки на своих скакунах шли и шли вперед, приближая День Победы, сыграв свою выдающуюся роль в борьбе за независимость нашей Родины. И казачья кавалерия живет теперь не только на золотых страницах истории, но и в прекрасной прозе, стихах и песнях.

...Казаки, казаки!

Едут, едут по Берлину

Наши казаки...

Эту песню сегодня поют не только в России.

Правда, сегодня военные лошади стали на наших глазах историей, которой, пожалуй, теперь уже не в силах повториться. Но было время, когда в русской армии служило до полутора миллионов лошадей. Давайте воздадим должное этим друзьям человека.

ВЕРНУЛСЯ КАЗАК НА РОДИНУ

После гражданской войны вернулся Федор Иванович Нефедов на свою малую родину – хутор Паршиков. Работал председателем сельского Совета. Организовывал местный колхоз «Искра», являлся заместителем председателя по хозяйственной части, выполнял другие поручения. Перед пенсией заведовал хуторским магазином. И так «проторговался», что пришлось отвести с личного подворья в потребительское общество дойную корову. И, как утверждают многие ветераны-паршиковцы, хорошо знавшие Федора Ивановича, пострадал он тогда не из-за безграмотности. Окончив всего лишь четыре класса, он был довольно грамотным и эрудированным. А проторговался по своей излишней доверчивости. Зачастую этот человек доверял покупателям самими отмерять материал, взвешивать продукты. Вот они и наотмеряли, вот они и навзвешивали! Но добрый по натуре, он не очень-то и расстроился. У них с женой (тоже очень хлебосольной казачкой) Марией Васильевной Нефедовой, не было детей. Им всего хватало, а потому они всегда старались щедро поделиться всем, чем могли, со своими хуторянами. Особенно любили детей. Как вспоминала жена брата Федора Ивановича – Екатерина Тимофеевна, Федор Иванович часто приглашал в дом своих племянников Колю, Володю и Жору и старался выдать им вкусные гостинцы. И если они по каким-то причинам долго к нему не приходили, перестрелывал их где-нибудь на улице, когда они возвращались из школы, и совал в их карманы конфеты, печенье, кукурузные хлопья-любимое лакомство ребят.

Заместитель директора по воспитательной работе Паршиковской средней школы Валентина Леонидовна Шарапова с гордостью рассказывала мне, как, еще, будучи ученицей, ходила со всем классом из Маркинской средней школы к герою гражданской войны Федору Ивановичу Нефедову.

Тогда в хуторе Паршикове была только восьмилетка. А в Маркинской в старших классах учились не только паршиковцы, но и многие ученики из сел, станиц и хуторов даже Морозовского района. И все они очень завидовали паршиковским ученикам, у которых был такой знаменитый земляк.

А Федор Иванович был не только интересным рассказчиком, но и очень гостеприимным человеком. Вместе с женой Марией Васильевной они всегда накрывали богатый стол для ребят. О доброте и порядочности этой дружной и гостеприимной семьи мне рассказывали многие земляки и знакомые Федора Ивановича: Иван Дмитриевич Бардья, Николай Василевич Карташов, Владимир Григорьевич Гончаров, Илья Иванович Фетисов и многие другие.

По словам очевидцев, в последние годы жизни (а умер Федор Иванович в 1971 году) он написал много дневников. У него было много уникальных фотографий того далекого сурового времени. К сожалению, по словам его родственницы Галины Николаевны Чуприной, все их украли неизвестные лица, проникшие в дом Нефедовых, когда Федора Ивановича уже не стало.

Воры побывали и в музее Паршиковской средней школы, где хранилось много интересных экспонатов о создателе пулеметной тачанки. По словам тогдашнего директора школьного музея, историка Нины Леонидовны Мустафиной, неизвестные вынесли через окно оригинальный макет-пулемет легендарной тачанки, некоторые ценные вещи Федора Ивановича и паршиковских казаков.

Ну что ж, наверное, когда-то все эти, не имеющие цены, вещи всплывут на каком-нибудь аукционе. Да, мы, россияне, почему-то во всем мире утвердились «иванами, не помнящими родства». Самое дорогое для нас стало почему-то ненужным. Зато другие пристально следят и зачастую бессовестно воруют наши бесценные экспонаты, а вместе с ними и нашу историю. Поучительными уроками для нас должны стать и раскопки цимлянских курганов и особенно крепости Саркел на берегу Цимлянского водохранилища. Мы ведь зачастую даже и не знаем, что за экспедиции там «ковырялись», что нашли, куда дели...

Но это к слову. Остается только очень сожалеть, что, уйдя в мир иной, Федор Иванович очень многое унес с собой в могилу. А то, что осталось, - в основном разворовано. Например, я так и не нашел главного для себя ответа на вопрос: почему старейший большевик-агитатор, дважды встречавшийся с Лениным, верой и правдой служивший Советской власти, затем порвал с КПСС и ушел в мир иной беспартийным? Неужели он еще тогда, далеко до перестройки, признал идею коммунизма утопией и изменил ей? А о чем писал в своих дневниках? Может каялся, что своим новым оружием погубил многих казаков-таких, как он сам. Но время было такое. Нужно было выбирать...

А вот за блестящую идею, на первый взгляд, очень простую – соединить пулемет с тачанкой – отдадим ему должное как творцу русского оружия. Все гениальное очень

простое. Взять хотя бы тот велосипед. Ведь сколько веков билась человеческая мысль, чтобы его изобрести. И все-таки изобрело. И весь мир до сих пор на нем катается, и, наверное, еще долго будет кататься.

Всегда должны мы помнить и пулеметную тачанку. И ее создателя, нашего именитого земляка Федора Ивановича Нефедова. Ведь это теперь наше Российское достояние. И не только в Ростове увековечили память о легендарной тачанке- грозном оружии того времени. Такой же величественный монумент ей воздвигнут на высоком кургане на берегу Днепра, на знаменитом Каховском плацдарме, где золотом высечены слова из известной песни о тачанке и ее храбром пулеметчике.

По земле грохочут танки,
Самолеты петли вьют,
О буденновской тачанке
В небе летчики поют.
И врагу поныне снится
Дождь свинцовый и густой,
Боевая колесница.
Пулеметчик молодой.

ПРИПЕВ

Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Пулеметная тачанка-
Все четыре колеса!

«БАЛЛАДА О КОНЕ ДОНСКОМ

Книга под таким названием бывшего редактора областной газеты «Молот» Георгия Васильевича Губанова, выпущенная Ростовским книжным издательством в 1987 году, тепло и с гордостью рассказывает о знаменитых донских скакунах, не раз покорявших мир своей резвостью, красотой, грациозностью и высокими спортивными достижениями. Помню, где-то в начале восьмидесятых годов руководители Целинского района решили пригласить в район космонавта Владимира Джанибекова с женой, которые как раз гостили в соседней станице Егорлыкской у родителей Владимира. А когда космонавт принял приглашение, в районе начали лихорадочно определять самую значимую достопримечательность, которая бы восхитила высоких гостей. И тогда одного из целинцев осенила мысль показать Джанибековым в коневодческом совхозе имени Кирова настоящих донских скакунов. Идея превзошла все ожидания. Гости сорвали начало всех остальных встреч, поскольку в конном манеже никак не могли расстаться с полюбившимися лошадьми.

И особый восторг они вызвали у жены космонавта – Лидии Джанибековой. Кстати, при женитьбе Владимир взял ее фамилию. Его настоящая – Крысин. Наверное, ее неблагозвучность и толкнула его на этот шаг.

Наверное, нет ничего в мире прекрасней этих созданий природы, в трепещущих гривах которых бьются степные вольные ветры и игривые всплески солнечных лучей. Лошади – это такая красота, которая способна даже в самом черством сердце высекать искры добра и радости. Гостей особенно покорила красавец-жеребец тракеннской породы Пепел. Он появился здесь, в вольной целинской степи, от темно-гнедой Полыни и вороного Пилигрима.

14 лет его хозяйкой была знаменитая наездница Елена Петушкова, завоевавшая с Пеплом много наград самой высокой пробы, неоднократно становясь чемпионкой СССР, мира и олимпийских игр по конному спорту. А в 1972 году на Олимпийских играх Елена завоевала на донском скакуне сразу две медали: золотую и серебряную. У трассы Ростов-Сальск, на земле конного завода, Пеплу установлен бронзовый памятник по размеру точь-в-точь такой, каким был в жизни этот прославленный конь.

После завершения своей спортивной карьеры Пепел вернулся на малую родину, дал потомство и здесь ушел в мир иной. Поклониться праху любимой лошади в Целинский конзавод из Москвы приезжала его хозяйка- заслуженный мастер спорта СССР Елена Петушкова.

-Это был настоящий алмаз, - с восхищением говорила целинским коневодам знаменитая наездница. – Он любил доброту, ласку, уважительное отношение и отвечал мне взаимностью. Мы побывали с ним во многих странах мира, путешествуя на автомобилях, в поездах и самолетах. И он везде всех восхищал своей стройностью, изяществом, красотой, выносливостью и самыми высокими спортивными результатами.

Насмотревшись на лошадей, выслушав рассказы коневодов, прокатившись на тройке, космонавт Владимир Джанибеков признал ставшее затем крылатым изречение:

-Полеты в космос – это хорошо, а катание на русской тройке – это прекрасно!

...Родная степь под низким донским небом. Неоглядные дали, ширь ковыльная да полынная. Бескрайние просторы, покрытые буйной растительностью, где есть разгуляться косякам даже диких лошадей. Да. Есть у нас еще такие. И живут они в Орловском районе и в знаменитом Цимлянском заповеднике – урочище Большие, а в просторечии-Кучугуры. Простирается это заповедное место в лесо-степном раздолье у самого Цимлянского моря. Ошалело носятся гнедые лошади без всадников в этом красивейшем девственном краю донской природы. Мчатся в свое удовольствие и так быстро, что сыплются на землю огненные искры солнечных лучей. Быстрые ноги спасают их от хищников. Ноги их кормят и поят, делают красивыми в беге, выносливыми в борьбе за жизнь. Водят еще лошадей цимлянские казаки в хуторах и станицах.

Когда-то в Цимлянске была традиция: в праздничные дни на месте старого аэропорта проводить скачки лошадей. Сотни людей приходили сюда посмотреть на это красивейшее зрелище. Но вот это место, служившее ипподромом, застроили новыми домами. Другое- для конных состязаний местных казаков не подобрали. И хорошая традиция канула в Лету.

Но зато она продолжает жить в Волгодонском районе. Например, праздник Победы в живописном месте у Дона, сразу за старинной станицей Романовской, всегда завершается скачками. И приезжают сюда поучаствовать в розыгрыше специальных призов, учрежденных администрацией Волгодонского района, не только местные конники, но и из соседнего Волгодонска, Зимовниковского, Мартыновского, Константиновского и других районов. И после подобных зрелищ многие из нас уже по-другому относятся к этим великолепным животным-труженикам, верным друзьям человека. И действительно, лошадь ведь пришла к человеку вслед за собакой. Но стоило нам создать трактор, как мы тут же стали забывать о ней и тем самым себя обкрадывать. Ведь лошадь-самый дешевый и доступный, особенно в трудных местах, транспорт. Это к тому же грациозность, резвость, красота. Лошадь сегодня просто необходима многим небольшим фермерским хозяйствам. Уже появилась и конная полиция. Пусть и впредь верой и правдой лошадь служит человеку, а человек отвечает ей взаимностью.

ЭПИЛОГ

Этот очерк в какой-то степени воскресил почти забытое имя простого донского казака Федора Ивановича Нефедова, создавшего в лихолетье гражданской войны уникальное и очень грозное по тому времени оружие. И не случайно пулеметную тачанку называли летающей смертью. На всех коммунистических парадах того времени мы восторженно горланили песни и декламировали стихи о легендарной тачанке, с которой строчил по врагам храбрый пулеметчик. Но мы даже не задумывались над тем, а кто же эти враги? А были они такие же русские люди, только не принявшие в то время утопическую идею коммунизма. И это противостояние стало настоящей трагедией для России, а затем и не только для нее. Ведь многие тогда в мире поверили, а кого-то заставили силой поверить в заманчивую идею построения равноправного общества на земле. Но жизнь показала, что коммунистический лозунг «Каждому – по потребности, от каждого - по способности» можно было осуществить лишь в трудах классиков марксизма. Многие страны пошли иным путем и практически построили то, о чем мы лишь мечтали и безнадежно шли, противопоставляя себя сильным капиталистическим странам. Мы потратили огромные экономические и людские ресурсы в холодных и горячих точках, пока наконец-то не поняли, что наш путь к светлому будущему человечества – тупиковый. И вот мы с трудом и со скрипом начали разворачиваться в ту сторону, в которую шли до 17-го года. Мы пытаемся построить общество по западному образцу, в котором бы нам всем жилось по-разному хорошо. Так живут сегодня в Англии, Франции, Швеции Америке, Германии и многих других цивилизованных странах. Но на верном ли мы пути? Не придется ли нам снова менять курс и переживать новые потрясения? Сколько же им быть? Их и так больше всех выпало на долю нашего многострадального русского народа. Мы в 17-м даже не задумывались, почему у нас есть люди бедные и богатые. И зачастую умных и трудолюбивых, которые, естественно, и зажиточнее жили, ссылали на Колыму, а многих ленивых, а потому бедных, называли пролетариями и ставили на командные посты. И, конечно же, из-за этого пожинали горькие плоды. Но упорно продолжали с ними строить равноправное общество.

Но сегодня, вступив на демократический путь развития, мы снова абсолютно не интересуемся, почему за этот очень короткий срок некоторые наши «рыночники» без всяких потуг стали даже богаче многих американских олигархов, которые копили эти

богатства веками. В то же время остальные наши люди – в их число вошли военные, медики, учителя и даже физики-ядерщики – отброшены в нищету. «Новые русские» при явном попустительстве правительства и президента в одночасье нагрели руки на разнице цен, подкупе чиновников, запугивании, тяжком криминале и так далее. За наши народные деньги они порой летают в Европу на развлечения. В один миг они могут вас выбросить без всякого пособия со своего прихватизированного предприятия. И жаловаться сегодня на них некому, да и бесполезно. И это страшно. Как бы голодные шахтеры, военные, медики, учителя после бесполезных забастовок не поднялись на новую революцию. Чтобы не допустить этого, может быть, и стоит нам вновь вернуться к некоторым идеям марксизма-ленинизма. Ведь были в них и рациональны зерна. Особенно по социальной защите человека труда. Ведь соединили же в Китае без всяких потрясений преимущества социализма и капиталистического рынка. И вон как далеко китайцы уже ушли. Может быть, и нам за ними погнаться? Одним словом, нам нужно срочно подкорректировать наш новый курс, который бы привел нашу страну к справедливому, процветающему, демократическому обществу. Ведь так хочется, чтобы мы, по натуре добрые, трудолюбивые, талантливые, хлебосольные русские люди, никогда больше не встретились друг с другом в бойне гражданской войны. Ведь мы это уже проходили. На наших горьких уроках учится весь мир, мы же почему-то упорно продолжаем повторять старые ошибки

НИКОЛАЙ СИВАШОВ,

Г. ЦИМЛЯНСК.